

Карина
Демина
МОЯ
СВЕКРОВЬ
И ДРУГИЕ
ЖИВОТНЫЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 **Моя свекровь и другие животные : [роман] / Карина Демина.** — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези).

ISBN 978-5-17-109197-2

Что делать, когда тебя похитили инопланетяне, но не на опыты, а в желании немедленно устроить твою личную жизнь? Сопротивляться. Лучшее брачное агентство в Галактике обещает личное счастье с гарантией? Не надо верить. Тем более жених-то какой-то сомнительный, звероподобный и явно не горит желанием сочетаться узами законного брака.

Но от счастья, тем более с гарантией, так просто не уйдешь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109197-2

© К. Демина, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРОЛОГ

За спиной почтеннейшей Арагами-тари садилось солнце. Медленно. Степенно. Оставляя на небесах бледно-лиловый след.

Нкрума смотрел на солнце, чтобы не смотреть на матушку. И все же хвост нервически подергивался.

Зудел даже.

То ли от волнения, то ли все-таки хватанул на прогулке десяток-другой песчаных блох. Второе было куда вероятней, потому как зуд усиливался. Еще немного, и Нкрума, забывшись, почешется.

Тогда матушка спросит...

Он ответит.

И ничего-то хорошего из этого не выйдет. А он не виноват, что блохи на него просто-таки слетаются. Он и на собственном корабле умудряется их цеплять, хотя тот уже продезинфицирован от дюз до последней кастрюли на камбузе.

Но нет же.

— Дорогой, — матушка ухватила Нкруму за ухо и легонько сдавила. — Мне кажется, ты меня не слушаешь.

— Как можно?! — почти искренне воскликнул адмирал и второе ухо прижал к голове. На всякий случай. Зуд на миг отступил, зато возник детский страх, что вот сейчас особо пакостливое насекомое выберется из гривы — да на матушкины лакированные коготки.

Нет, визжать она не станет.

Но велит отправиться в умывальни, а следом отправит выводок служанок со старухой Ашей во главе. И, как в далеком детстве, Нкруму с головой сунут в грязевую ванну, от кото-

рой к шкуре цепляется крепкий серный запах, а после будут сутки мучить, вычесывая мелким гребнем.

— Вот и мне интересно, — матушка ухо выпустила. — Как можно поступать столь безответственно! Ты отверг брачные предложения...

— Мне они неинтересны.

Ухо ныло.

Хвост Нкрума спрятал под стулом.

— Тебе — нет, но ты подумал о роде? — Матушка встала между Нкрумой и окном, узкой спиной заслоняя солнце. — Конечно же нет. Лучшие из лучших... достойнейшие из достойных... Сто сорок пять матерей! Как мне смотреть им в глаза, а?

Глава рода Тафари была еще не стара.

Она произвела на свет пятерых сыновей — последних трех исключительно в надежде родить дочь и наследницу, — о чем на словах гордилась, а в глубине души сожалела. Однако роды не лишили ее ни прежней силы, ни стати, а вот характер, по словам отца, испортили окончательно.

Впрочем, она никогда-то не отличалась благонаравием.

— Ты отказал всем! Всем! — она щелкнула Нкруму по носу, и тот опустил голову. — И мне пришлось сделать вид, что я согласна с твоими аргументами, хотя порой они были оскорбительны...

— Мне жаль.

Жаль не было.

Нисколько.

Единственное, о чем Нкрума и вправду сожалел, — вряд ли вчерашние брачные предложения были последними. И значит, рано или поздно, но матушка добьется своего.

Уж лучше с пиратами воевать, право слово.

А на границе, поговаривают, вновь волнения. И отпуск, предоставленный ему Советом, подходит к концу. И дождаться бы, тогда, глядишь, он получит еще пару-тройку лет спокойной жизни вдали от дома.

— Ты не понимаешь, что натворил, — теперь в матушкином голосе слышалась печаль. — Ты мой самый перспективный детеныш... а все равно глуп как самец!

И по лбу треснула.

Так, что в голове загудело.

— Тебе бы все воевать и воевать, а о родном мире и не думаешь. Думать — для тебя слишком сложно. Что ж, ты не оставил мне выбора.

Сердце замерло.

Неужели она...

— Ты обещала!

— В минуту слабости, не иначе. Или мигрень тогда случилась? — Матушка на секунду задумалась, пытаясь вспомнить, что же было с ней такое, если она, Арагами Каменная, дала столь глупое обещание. — Но не печалься, дорогой, я нашла выход, который устроит нас обоих.

И по щеке погладила.

Стало совсем дурно: ласковой матушка становилась перед тем, как огласить очередное решение, которое пришлось бы не по нраву прайду.

— Я обещала, что ты сам выберешь себе невесту. Что ж, пускай... Но ты слишком долго тянул с выбором и поставил меня в крайне неудобное положение. Наш род не так силен, а теперь в Совете прайдов многие оскорблены. Они запомнят не сам факт отказа, но то, как ты позволил себе это сделать. Говорят, я утратила хватку, если не способна контролировать собственных сыновей.

Матушкины клыки щелкнули.

Это, конечно, зря... она не станет отвечать. Пока. Но запомнит, кто именно сказал подобную глупость, чтобы затем на практике доказать, сколь не прав он был.

Нкрума поежился.

Нет уж, пираты, граница... граница и пираты. Почти мечта.

— Поэтому ты должен жениться, дорогой. И если уж я не способна найти ту, которая составит тебе достойную пару...

Нкрума потер шею, радуясь, что она еще свободна от брачного ошейника.

— Пусть это сделают специалисты.

— Что?

— Агентство «Золотой лепесток», — матушка подвинула визор. — Судя по рейтингу, в нашем секторе они лучшие. Сто сорок пять лет плодотворной работы. Сотни тысяч заключенных браков. Процент разводов минимален, хотя нам это неинтересно, конечно... развод недопустим.

Шея заныла.

И дышать стало тяжело.

— Завтра в три пополудни придут консультанты. Я пообещала, что ты встретишься с ними. Изложишь свои пожелания... — Матушка пригладила встрепанную гриву Нкрумы. — А они подыщут девушку... девушек... ты выберешь ту, которая тебя устроит. Ясно, дорогой?

Нкрума обреченно кивнул.

— Я спрашиваю, ясно ли?

— Да, матушка.

— Вот и чудесно. Это я оставлю, — она протянула визор. — Загляни на их сайт, полистай анкеты. Возможно, тебе кто-нибудь приглянется. Только, дорогой, ты вот над чем подумай. Конечно, сейчас ты нервничаешь и перевозбужден, а это приведет к вспышке агрессии.

— Нет!

— Не перебивай маму! — Матушка дернула за шерсть. — И у тебя появится желание выкинуть что-нибудь этакое... глупое и шокирующее. Но учти, что жить с той, которую ты выберешь, придется тебе же.

Могла бы и не напоминать.

Матушка удалилась.

Солнце, зависнув на мгновение над черным зевом расщелины, все ж нырнуло в нее, предпочтя разумный суицид неразумному противостоянию главе рода Тафари. И Нкрума остался в гордом одиночестве.

Или почти в одиночестве.

На столе тускло мерцал визор, и мерцание это вызывало смутное желание взять и опустить на экран что-нибудь тяже-

лое, к примеру, любимую матушкину вазу из полированного телевизийского гранита.

Но Нкрума вздохнул.

Хватит.

Этак и вправду от рода отлучат, и все бы ничего, но... он когтем подвинул визор и, пользуясь редкой в доме минутой затишья, поскреб хвост. Зуд утих, но ненадолго. А экран вспыхнул, пошел рябью, которая разродилась россыпью золотых лепестков.

Заиграла нежная мелодия.

А вкрадчивый голос произнес:

— Мы устроим ваше личное счастье...

В это мгновенье песчаные блохи показались не самой большой бедой.

Несколькими часами позже

Покои младшего брата выходили окнами на пустыню. Голую. Почти безжизненную. И свет трех лун окрашивал ее в бледно-серебристые тона. Где-то вдалеке скрипели песчанники, завлекая самок.

— Ты уверен? — Гарджо развалился на подоконнике.

И пустынный ветер, пропахший запахом почти спелой ай-тши — надо полагать нынче ночью братец, в очередной раз нарушив запрет, рискнет и совершит вылазку в Древний город, — ерошил его длинную темную гриву.

— Я уже ни в чем не уверен.

А может, с ним пойти?

Когда-то Нкрума неплохо изучил пустынные тропы. Интересно, под старым камнем, который ветра то укрывали песками, то вновь обнажали, все так же обретаются многоноги?

А гнездо остроголовых змей уцелело ли?

И если да, сколько в нем самок?

В последний свой визит Нкрума насчитал почти дюжину — редкий случай. Если повезет, получится стянуть пару-тройку кожистых яиц.

Матушка, помнится, в тот раз впервые голос повысила.

Змей она не любит.

— Ну да... — братец поскреб ухо.

Тоже блохи?

И хвост вон дернулся, мазнул кисточкой по ковру.

— И что ты предлагаешь?

Визор с раскрытой и честно или почти честно заполненной анкетой лежал рядом. Одно касание, и анкета уйдет, чтобы навсегда изменить жизнь Нкрумы.

— Допустим... послушай маму.

— А сам?

— До меня еще не скоро очередь дойдет. — Гарджо был младшим в семье, а потому искренне полагал, что взрослеть ему вовсе не обязательно. И матушка по неизвестной прихоти поддерживала в нем эту уверенность.

Может, ждала, когда он притащит в дом змеиные яйца?

— Когда-то и я так думал, — вздохнул Нкрума, отодвигаясь от визора. — И не только я.

— Да ладно.

Братец проводил взглядом толстую бабочку-белянку, впорхнувшую в окно. Та заплясала, закружилась, роняя с крыльев белесую пыльцу.

И по комнате поплыл сладкий аромат переспелой джарвы.

Захотелось пить.

И на свободу.

На свободу больше...

— Что страшного в женитьбе? Всем рано или поздно приходится...

— Посмотрим, как ты запоешь, когда твоя очередь наступит.

— Не скоро, — младшенький оскалился. — Я не собираюсь совершать выдающихся деяний, а значит, хорошую партию мне не предложат. А без хорошей партии матушка настаивать не будет. Так что, братец, сам виноват. Сидел бы на своей границе тихо, гулял бы свободным. Нет же, подвиги захотелось.

В чем-то он, баловень, был безусловно прав. Но вся натура Нкрумы отказывалась эту правоту признавать.

— А вообще, выбери кого-нибудь. Если все равно, то просто закрой глаза и ткни пальцем.

— Нет.

— Почему?

Бабочка носилась вокруг лампы, ударяясь об абажур, и тогда рыхлая пыльца падала едва ли не комками, а в аромате проскальзывали гнилостные нотки.

— Потому... — Нкрума вздохнул. Как ему объяснить?

И не только ему.

Братец не желает понимать очевидного.

Брачный ошейник — это далеко не просто ритуальное украшение, которого рано или поздно достаивается любой круонец. Это ошейник и есть.

— Отец счастлив...

— Ему так приказано, — огрызнулся Нкрума. — Пусть бы только посмел не быть счастливым... посмотри на Джая...

— А что с Джаем?

— Ничего.

— Да успокойся ты. И объясни толком, — братец сел, и хвост его раздраженно щелкнул по подоконнику.

— Толком?

На визоре вспыхивали и гасли золотые лепестки.

И время от времени раздавался тот самый вкрадчивый голос с угрожающим обещанием обустройства личной жизни.

— Толком... раньше Джай делал то, что считал нужным.

А теперь — то, что полагает правильным его дорогая супруга. Маррет... его когда-то называли надеждой Шадара. И в итоге? Эта надежда надыхаться на свою красавицу не может, разве что тупельки в зубах за нею не носит, и то только потому, что боится ткань попортить. Берго...

— Хватит, — младшенький махнул рукой. — Я понял. Ты боишься повторить их судьбу.

— Еще как.

Нкруму передернуло.

А может, ну его? Матушку, род, Совет Галактический... тоже ничего хорошего, одна сплошная бюрократия... пусть отлучают. И тогда он, Нкрума Безымянный, будет свободен.

Отправится на границу.

Не адмиралом — безродным не положена своя эскадра, — а обыкновенным наемником. Припишется к какому-нибудь боевому шлюпу и заживет простой и понятной жизнью, где не будет иных обязательств, нежели прописанные в типовом контракте.

Красота.

— Ты боишься женщин! — младшенький соскользнул на пол и потянулся до хруста в костях. А кости его, еще окончательно не застывшие, хрустели как-то особенно смачно. — Наш бесстрашный адмирал боится женщин!

— Любой нормальный круонец, если он в здравом уме, боится женщин.

Младшенький захихикал.

Вот же... никакого понимания момента. Тут, может, вся жизнь перед глазами пролетает, усыпанная треклятыми лепестками, а он хохочет, как ошалевший грахан.

— Ладно, давай сюда свою анкету.

— Стой!

Но младшенький успел сграбастать визор.

— Так, это о тебе. Имя, пол, возраст, статус... ничего интересного. Увлечения. Братец, ты что написал?

— Вышивание. Крестиком, — Нкрума попытался ухватить младшенького за хвост, но тот оказался на диво прыток. И хвост убрал вовремя, только кисточкой по носу щелкнул. — Мне и вправду нравится...

— Это я знаю, что тебе нравится, но, поверь, это несерьезно. Вот ты хочешь, чтобы твоя будущая супруга с тобой считалась? Хочешь или нет?

Нкрума тяжело вздохнул.

— А кто будет считаться с существом, которое, уж прости меня, в свободное время крестиком вышивает?

Это он зря.

Вышивание успокаивало. Помогало сосредоточиться. Да и вообще расслабляло. И ничего-то зазорного в этом занятии Нкрума не видел.

— Нет! — палец брата мазнул по визору, стирая информацию. — Ты должен внушить к себе уважение еще на этапе знакомства! Я имею в виду заочное знакомство. Так, увлечения... Охота на пиратов? Нет, как-то не звучит. Коллекционирование... Да. Предмет коллекции? Допустим, уши и иные конечности. Иногда физиология не предусматривает наличия ушной раковины. Пишем: и иные конечности асоциальных элементов... Внушает?

— Отдай!

— Обойдешься. Я тебе помогаю, — братец вскарабкался на подоконник. — Вот увидишь...

И вниз сиганул, только хвост мелькнул.

— Стой!

Нкрума взлетел на подоконник. В лицо пахло остывающим ветром.

— Стой!

— Догони, если сможешь! — крикнул братец и, зажав в зубах визор, бросился прочь.

Сможет?

Думает, что Нкрума слишком стар стал, чтобы в пустыню выбираться?

Он соскользнул вниз, привычно цепляясь когтями за неровную стену дома. Взлетели растревоженные бабочки, и старый паук заскрежетал, выражая недовольство таким вмешательством в охоту. Что ж, Нкрума его понимал

Он остановился, на мгновение вдохнув еще горячий воздух.

Прислушался.

Загудели сторожевые камни, но вскоре успокоились: братец миновал преграду, не потревожив чувствительные нити. Что ж, и Нкрума знал пару-тройку способов выбраться из поместья.

Свобода?

Этой ночью он будет свободен.

Он тенью проскользнул через освещенную полосу, и живые пески лишь вздохнули, проглотив лепестки горлицы. Теперь уснут на несколько ударов сердца, которых хватит, чтобы

добраться до сторожевых камней. Те, растревоженные младшим братцем, тускло светились, а самые матерые, на телесах которых набрякли уже ростовые почки — похоже, матушка перестаралась с подкормкой, — пульсировали.

Нкрума остановился.

Он слушал ночь.

И слышал.

И понимал, что никогда не откажется... от дома, рода — быть может, но не от пустыни, голос которой звучал в его крови. Нкрума осторожно ступил, ставя ногу меж сплетением ветвей.

Шаг.

И еще один.

И замереть, позволив тончайшей поликристаллической ветви скользнуть по шкуре. Нкрума замер. И сердце привычно остановилось. Он затаил дыхание, начав про себя отсчет.

Один.

И ветвь треснула, выпустив чувствительные нити.

Два.

Они рассыпались по шкуре, которая остывала, как остывал окружающий Нкруму песок.

Три.

Щупы попробовали пробить шкуру, но та оказалась слишком плотной.

Четыре и пять.

Камень вспыхнул, пытаясь решить непосильную задачу. Живое или нет?

Живое должно быть сожрано.

Или хотя бы схвачено.

Ветвей стало больше... и щупы опутали Нкруму сетью, они прислушивались к малейшему звуку, пытаясь уловить эхо дыхания или стук сердца, что было вовсе не позволительно.

Десять и одиннадцать.

Отступили.

Они убирались медленно, иные вовсе рассыпались, чтобы стать частью почвы.

Сто двенадцать.

Легкие начинали гореть, а когда-то Нкрума был способен досчитать до двухсот, не испытывая никаких существенных неудобств.

Сто сорок пять.

Запасное сердце дрогнуло и застучало глухо, мелко. И основное запустилось, хотя и не сразу. До края полосы оставалось три шага, и Нкрума будет свободен.

Почти.

Пустыня пела.

Стремительно остывающие пески издавали высокие звуки, в которых Нкруме по-прежнему слышались голоса песчаных богов, которым поклонялись Древние. И в хор этот, в торжественное песнопение, столь заманчивое, что не один молодой круонец уже утратил разум и голову, поддавшись ему, примешивалась печаль.

Нкрума уже стар.

Не настолько, чтобы задуматься о последнем пути — и отец не думает, хотя старше Нкрумы втрое, но пустыня благоволит к молодым. А он... слух ослабел. И он едва не наступил на песчаного паука, выползшего, чтобы поймать пару прытких медянок.

Мелочь, но пустыня состоит из мелочей.

Голоса песчаников.

И тяжелый гул вархашша, вынырнувшего на поверхность, чтобы остудить раскалившуюся за день шкуру. Помнится, было время, когда Нкрума вышел на охоту и ночь провел на гребне скал, высматривая, не поднимется ли где-нибудь песчаный фонтан. И уже почти уверился, что ночь пройдет бесплодно, как вархашш вынырнул прямо у подножия скал. Нкрума помнил, каков он был: огромен, размером с десантный шлюп.

Его шкуру покрывали шрамы.

Его когти вошли в гранит, точно якоря. А в фасетчатых глазах отразились и скалы, и луны.

Вархашш выполз на скалы, и Нкрума испытал одновременно восторг и ужас: по сравнению с этим чудовищем, разменявшим не один десяток циклов и утянувшим в пески не один десяток охотников, он, Нкрума, был мал и слаб.